

DOI: 10.31857/S013038640025638-9

© 2023 г. **О.В. ЗАИЧЕНКО**

РАЗОБЛАЧЕНИЕ «ВТОРОГО КОЦЕБУ»: ПРЕДЫСТОРИЯ ОДНОГО ШПИОНСКОГО СКАНДАЛА 1831 года

Заиченко Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, *Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

Scopus Author ID: 57190877261; ORCID: 0000-0001-9511-8818

Аннотация. В 1818–1819 гг. в Германии разразился громкий шпионский скандал. Известный немецкий драматург Август фон Коцебу был объявлен «русским шпионом» и убит как «предатель Отечества» на волне роста антирусских настроений. 12 лет спустя, в 1831 г., публицистом Гарро Паулем Гаррингом на фоне подавления Россией Польского восстания была инициирована аналогичная кампания в прессе против поэта Карла Фридриха фон Швейцера де Швегруа, также объявленного «русским шпионом», «врагом немецкой нации» и «вторым Коцебу». В представленном исследовании шпионский скандал 1831 г. будет рассмотрен нами не только как попытка Гарро Гарринга воссоздать сценарий событий 1819 г. в схожих политических обстоятельствах, но и как пример целенаправленного раздувания антирусских настроений на волне инициации общественной истерии, связанной с поиском внешних и внутренних врагов «немецкой нации» в контексте политических процессов внутри Германии. Для изучения темы, которая прежде никогда не затрагивалась в зарубежной и отечественной историографии, будут проанализированы не использованные ранее источники: обнаруженные нами публикации за 1830–1831 гг. в центральной и региональной немецкой прессе, прежде всего Королевства Саксония и герцогства Саксен-Веймар, освещавшие скандал с разоблачением «русского шпиона» фон Швейцера де Швегруа, свидетельства очевидцев, переписка и мемуары Гарро Гарринга, а также ряд косвенных источников для реконструкции биографии его оппонента, назначенного немецким обществом на роль «второго Коцебу».

Ключевые слова: Германия, Россия, Польское восстание 1830–1831 гг., пресса, антирусская кампания, русофобия, полонофилия, Г. Гарринг, К.Ф. фон Швейцер, А. фон Коцебу.

O.V. Zaichenko

The Unmasking of the “Second Kotzebue”: Background to a Spy Scandal, 1831

Olga Zaichenko, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

Scopus Author ID: 57190877261; ORCID: 0000-0001-9511-8818

Abstract. In 1818–1819, a high-profile spy scandal broke out in Germany. The renowned German playwright August von Kotzebue was declared a “Russian spy” and murdered as a “traitor to the Fatherland” amidst a tide of rising anti-Russian sentiment. Twelve years later, in 1831, the publicist Harro Paul Harring initiated a similar press campaign against the poet Carl Friedrich von

Schweitzer de Schweigrois, also denounced as a “Russian spy”, an “enemy of the German nation”, and a “second Kotzebue”, against the backdrop of the suppression of the Polish Uprising by the Russian Empire. In the present study, the author considers the spy scandal of 1831 not only as an attempt by Harro Harring to recreate the 1819 scenario in similar political circumstances, but also as an example of purposeful inflaming of anti-Russian sentiments in the wake of the initiation of public hysteria associated with the search for external and internal enemies of the “German nation” in the context of political processes within Germany. To study the subject, which has never been addressed in the historiography before, the author analyses the sources that have not been consulted before, namely the publications for 1830–1831 in the central and regional German press, primarily of the Kingdom of Saxony and the Duchy of Saxe-Weimar, which covered the scandal with the exposure of the “Russian spy” von Schweitzer de Schweigrois, eyewitness accounts, correspondence and memoirs of Harro Harring, as well as a number of indirect sources to reconstruct the biography of his opponent, appointed by German society to the role of “the second Kotzebue”.

Keywords: Germany, Russia, November Uprising of 1830–1831, press, anti-Russian campaign, Russophobia, Polonophilia, Harro Harring, Carl Friedrich von Schweitzer, August von Kotzebue.

В 1818–1819 гг. в Германии периода Реставрации на волне экономического кризиса, недовольства последствиями освободительных войн 1813–1815 гг. и политикой России разразился первый в немецкой общественной жизни XIX в. громкий шпионский скандал. Это событие получило широкий резонанс в государствах Германского союза и имело серьезные последствия для их внутренней политики. Весной 1819 г. известный немецкий драматург Август фон Коцебу (1761–1819) был объявлен «русским шпионом» и заколот кинжалом студентом теологического факультета Йенского университета Карлом Людвигом Зандом. Это потрясшее всех политическое убийство было воспринято немецкой общественностью не как преступление против личности, а как справедливая казнь предателя Отечества, за действиями которого, как многим казалось, скрывалась «направляющая рука российского императора, желающего поработить Германию»¹. Начавшаяся в прессе антироссийская кампания окончательно похоронила идею русско-немецкого «братства по оружию», ставшую в первой трети XIX в. частью официальной внешнеполитической доктрины сначала Пруссии, а затем и других немецких государств, присоединившихся к последней антифранцузской коалиции. Память о боевом братстве солдат русской и прусской армий, сражавшихся бок о бок против Наполеона в ходе освободительных войн, отошла в прошлое. Союзнические отношения надолго были вытеснены из общественного дискурса темой «русской угрозы».

В 1831 г., после 16 лет политики Реставрации, в аналогичной ситуации общественного ressentiment на фоне усугубления внутренних проблем и на волне массового возмущения жестоким подавлением российскими властями Польского восстания, история повторилась. В Германии случился очередной резонансный шпионский скандал, который во многом развивался по сценарию предыдущего. На этот раз «русским шпионом», «вторым Коцебу», был объявлен другой немецкий литератор, действительный агент русской разведки барон фон Швейцер (1796–1847). Согласно документам архива III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии с 1819 по 1832 г. он был официально известен в Польше и Германии под именем Карл Фридрих фон Швейцер де Швергуа. На роль обвинителя и справедливого судьи претендовал публицист, революционер, человек авантюрного склада характера Гарро Пауль Гарринг (1798–1870).

Как и в истории с Коцебу, шпионский скандал 1831 г. вылился в острую полемику в прессе между «обвинителем» и «обвиняемым» с попытками вновь дискредитировать и осудить политику России как главное препятствие в борьбе европейских народов за свободу и независимость и пригвоздить к позорному столбу очередного «русского шпиона», «предателя национальных интересов». С этой целью в немецкой печати Гарро Гаррингом

¹ *Schott Fr.* Kotzebue, Deutschland und Rußland / Nebst einem Vorwort an den Herrn Professor Krug. Leipzig; Merseburg, 1820. S. 31.

была организована травля барона фон Швейцера как нового «изменника Отечества», аналогичная той, что устроили на страницах журналов «Isis», «Nemesis», а также других либеральных изданий профессора и студенты Йенского университета в отношении Августа фон Коцебу. Как и в случае с Коцебу, обвинения в шпионаже были в основном бездоказательны, а оправдания не очень убедительны. Инцидент между Гаррингом и Швейцерам, к счастью, не привел к таким трагическим последствиям, как гибель одного из оппонентов, но стал частью большой политической кампании, способствовавшей нарастанию русофобии и шпиономании, что явилось одним из индикаторов массовой невротизации общества в германских государствах.

Представляется интересным рассмотреть предысторию искусственно раздутого шпионского скандала, произошедшего как раз в тот период, когда российские власти занимались подавлением Польского восстания 1830–1831 гг., чтобы дойти до его истоков – событий 1819 г. Выявив несомненное сходство возникновения массовой истерии вокруг инцидентов, связанных с темой «предателей Отечества» в 1819 и 1831 гг., в политическом фоне, а также сценариев, по которым развивались события в обоих случаях, мы попытаемся доказать существование прямой связи между условными «кейсами» Швейцера и Коцебу. Оба эти инцидента во многом стали следствиями идеологического переплетения русофобии и немецкого национал-либерализма. Впоследствии к этим двум компонентам присоединилась возникшая на волне освободительного движения в Польше полонофилия, ставшая к началу 30-х годов XIX в. частью национального комплекса немцев. Речь идет об увлечении идеей польской борьбы за независимость среди патриотически настроенных немецких либералов в 30–60-е годы XIX в., которое было связано с двумя жестоко подавленными восстаниями в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи. Многие представители польской эмиграции, вынужденные с 1831 г. бежать от преследований русского правительства, были с сочувствием приняты в Пруссии, Саксонии и других германских государствах.

В отличие от обстоятельств предъявления обвинений в предательстве Августу фон Коцебу, которые довольно хорошо известны², аналогичные события 1831 г. продолжают оставаться белым пятном для широкой общественности. Шпионский скандал вокруг Швейцера де Швегруа еще ни разу не находился в центре внимания зарубежных и отечественных исследователей, а биографии его главных фигурантов малоизучены. Поэтому мы более подробно остановимся на личностях и судьбах участников этого общественного противостояния, которые занимали полярные позиции по вопросам внутривосточной борьбы в германских государствах, являясь идейными антиподами. Прежде всего это «русский шпион» Швейцер де Швегруа, способствовавший формированию российской внешней разведки как единой государственной службы³. В свою очередь, его противник, немецкоязычный публицист и поэт датского происхождения Гарро Гарринг был одним из родоначальников и лидеров радикальной оппозиционной журналистики. Он так же всю свою жизнь беззаветно служил делу европейской революции, как Швейцер посвятил себя борьбе с ней, и заслуживает не меньшего внимания. Но если о Гарринге

² August von Kotzebue. Urtheile der Zeitgenossen und der Gegenwart / Zusammengestellt von W. von Kotzebue. Dresden, 1881; Keller M. "Agent des Zaren" August von Kotzebue // *Russen und Russland aus deutscher Sicht: 19. Jahrhundert (1800–1871)* / Hrsg. M. Keller. München, 1992. S. 119–150; Schulze H. Sand, Kotzebue und das Blut des Verräters (1819) // *Das Attentat in der Geschichte*. Köln, 1996. S. 215–232; Заиченко О.В. Август фон Коцебу: история политического убийства // *Новая и новейшая история*. 2013. № 2. С. 177–191.

³ Заиченко О.В. «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военной-секретной полиции в Варшаве (1819–1831) // *Новая и новейшая история*. 2023. № 1. С. 33–45. DOI: 10.31857/S013038640020835-6

все же существует несколько биографических сочинений⁴, а также сохранился ряд источников публицистического характера, позволяющих проанализировать его мотивы и цели в этой полемике, то о Швейцере мы знаем крайне мало: его архив не исследован и не переведен на русский язык, а имеющиеся косвенные свидетельства в основном носят отрывочный характер. О факте «газетной войны» между этими персонажами, наделавшей в свое время много шума, также практически не упоминается в исторической литературе, хотя немецкая региональная пресса, прежде всего в Саксонии и герцогстве Саксен-Веймарском, подробно освещала этот инцидент.

Представленное исследование в методологическом плане базируется на исторической аналогии между «кейсами» Коцебу и Швейцера. Следует отметить, что современники нередко связывали двух «русских шпионов» между собой. Так, в опубликованном в 1844 г. анонимном сочинении «Морально-политический портрет властителей Российской империи», содержащем пространные рассуждения о деятельности зарубежной агентуры III Отделения в Германии, барон Швейцер именуется «преемником Коцебу». Как утверждал анонимный автор: «Россия испокон веков держала в Германии шпионов из числа представителей образованного сословия, особенно литераторов, завсегдатаев салонов, способных воздействовать на общественное мнение. Достаточно вспомнить... Коцебу. Не получив должного отпора от немцев, Россия пошла дальше и наводнила Германию... такими как Швейцер, который обладал прекрасными манерами, большим самообладанием, был сведущ в литературе и политике, прекрасно образован. Он довершил дело Коцебу: подкупом и лестью в Германии была создана “русская партия”, состоящая из тех, кто получил какую-либо милость от царя, а также из нескольких слабоумных крикунов, отравленных ложью его тайных агентов»⁵. На преемственность между Коцебу и Швейцером десять лет спустя указывала также прусская еженедельная газета *Preußische Wochenblatt*⁶, несмотря на то что к тому времени обвинения в адрес Коцебу так и не были обоснованы, а агентурная деятельность Швейцера в Германии получила документальное подтверждение.

Карл Фридрих фон Швейцер (подлинное имя, данное при рождении, — Карл Фридрих Эрнст Георг Фрайгерр Швейцер) сделал все возможное, чтобы скрыть правду о себе. Так, после 1832 г. он вновь изменил имя на Карл Фердинанд, представляясь курляндским бароном и подписываясь на русский манер Карл Фердинандович, а также навсегда расстался с французской частью своей фамилии де Швергуа. Однако в 40-е годы XIX в. род его занятий уже не составлял секрета для сотрудников тайной полиции в Майнце⁷. Им было хорошо известно, что в 1820-х годах в Варшаве он был тайным агентом Высшей военно-секретной полиции, ставшей предтечей российской профессиональной контрразведки, а с 1833 по 1839 г. возглавлял германскую резидентуру III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которым руководил А.Х. Бенкендорф. Действительно, в архивных фондах этого ведомства сохранились многочисленные секретные донесения и отчеты чиновника для особых поручений при III Отделении надворного советника, барона Карла Фердинандовича фон Швейцера за период 1832—1844 гг.⁸ о состо-

⁴ *Grab W. Harro Harring und der deutsche Sonderweg 1848–1933 // Mitteilungen der Harro-Harring-Gesellschaft. Husum, 1984; Szayna-Dec K. Najgroźniejszy agitator sprawy polskiej. Awanturniczy żywot Harro Harringa Kazimirowicza, poety, bojownika o wolność, Polaka z wyboru. Kraków, 2018.*

⁵ *Das moralisch-politische Porträt der Herrscher des Russischen Reiches. Regensburg, 1844. S. 34.*

⁶ *Über die öffentliche Meinung in Deutschland // Preußische Wochenblatt, 18.II.1854.*

⁷ *Ilse L.Fr. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Kommission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind. Frankfurt a.M., 1860. S. 218–220.*

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 4а. Секретный архив III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Политическое положение иностранных государств по донесениям агентов III Отделения. Швейцер. Д. 214–305.

янии дел в германских государствах и сопредельных странах. Кроме того, там же нами были обнаружены отчеты агента Высшей военно-секретной полиции в Варшаве Швейцера де Швегруа за 1819–1831 гг., написанные по-французски той же рукой. Эти документы не оставляют никаких сомнений, что барон фон Швейцер, в отличие от злосчастного немецкого драматурга Августа фон Коцебу, действительно был одним из самых эффективных тайных агентов русской разведки на территории Германского союза, сыгравшим не последнюю роль в становлении российских спецслужб.

Помимо связи между главными персонажами, в глазах общества оба эти громких «шпионских» скандала, ознаменовавших начало и конец политики Реставрации в Германии, продлившейся с подписания Карлсбадских соглашений в 1819 г. до революционных волнений в немецких землях, вызванных Июльской революцией 1830 г., имели схожий исторический контекст. В обоих случаях в социальном дискурсе набирала популярность тема разоблачения внешних и внутренних врагов, стоявших на пути будущего величия Германии. Если внешний враг, на роль которого всякий раз назначали Россию, служил сплочению германских государств и росту немецкого национального самосознания перед лицом угрозы извне, то внутренний враг играл роль «козла отпущения», на которого можно было возложить вину и ответственность за промахи и ошибки. Одновременно поиск внутреннего врага выливался в разоблачение в прессе «предателей немецкого Отечества», наносящих коварный «удар в спину» германским государствам. Впервые этот сценарий слияния внешних и внутренних врагов в полной мере проявился в скандале, связанном с разоблачением «русского шпиона» Августа фон Коцебу, а затем повторился 12 лет спустя в случае со Швейцером.

Можно утверждать, что «казус Коцебу» 1819 г. положил начало публичным кампаниям, связанным с разоблачениями тайных происков России против Германии. Он явился следствием национально-политического кризиса, который пришелся на период идейного брожения в немецком обществе между Венским конгрессом и Реставрацией. Тогда на смену духовному подъему, пережитому немцами во время освободительных войн, пришло чувство неудовлетворенности, вызванное унижающим национальное достоинство многих немцев положением германских государств в Европе, консервативной политикой Священного союза и обманутыми ожиданиями. В общественно-политическом дискурсе впервые сформировалось мнение, что причиной всех несчастий является предательская политика элит, выполняющих, вопреки интересам немцев, волю русского самодержца, которому отводилась роль одного из демиургов европейской политики. Как писал в ретроспективном анализе политической ситуации, сложившейся в Европе после Венского конгресса, немецкий историк Карл Хаген, «решающим фактором во всех политических процессах в Европе после победы над Наполеоном было русское влияние. Активнее всего Россия вмешивалась в дела германских государств. Здесь у России повсюду были свои агенты, шпионы, тайные и явные последователи. Российская дипломатия оказывала решающее воздействие на правительства германских государств для продвижения собственных интересов, что не могло не вызывать негодования среди наших патриотов»⁹.

Высшей точкой политической фрустрации стали не оправдавший надежд большинства немцев Ахенский конгресс, состоявшийся осенью 1818 г., обвинения российской дипломатии в происках против германских государств, скандал вокруг меморандума А.С. Стурдзы о необходимости упразднения студенческих союзов и свобод в германских университетах как рассадниках вольнодумства¹⁰, и, наконец, убийство в 1819 г. студентом Карлом Людвигом Зандом драматурга Августа фон Коцебу. Многие не могли простить ему прорусской позиции, высокого чина статского советника и хорошего денежного вознаграждения от

⁹ Hagen K. Ueber die öffentliche Meinung in Deutschland von den Freiheitskriegen bis zu den Karlsbader Beschlüssen. Zweite Abtheilung. (2. Teil): Die Jahre 1815 bis 1819 // Historisches Taschenbuch. (2. Folge). Achter (8.) Jahrgang / Hrsg. Fr. Raumer. Leipzig, 1847. S. 636.

¹⁰ Стурдза А.С. Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 г. / пер. с нем. Е. Ляминой // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX в. М.; Венеция, 1999. С. 150–155.

Александра I за долгие годы безупречной службы на благо Российской империи. Именно служба на правительство иностранного государства стала главным преступлением Коцебу в глазах членов студенческих союзов — одной из наиболее радикальных групп немецкого общества, к которой принадлежал Карл Занд. Работа литературным корреспондентом при министерстве народного просвещения, издание в Веймаре «Литературного еженедельника», где время от времени публиковались пророссийские статьи, и массовое недовольство политикой России дали повод группе профессоров и студентов Йенского университета публично обвинить Коцебу в предательстве и объявить его «русским шпионом»¹¹. Как вспоминал Карл Хаген, описывая общественное настроение в германских государствах накануне Ахенского конгресса: «Летом 1818 г. все знали, что русский агент, статский советник Август фон Коцебу, поселился в Веймаре, который, между прочим, был его родиной, — отчасти чтобы следить за действиями Национал-либеральной партии, отчасти чтобы издавать собственный журнал для распространения принципов абсолютизма. На его страницах Коцебу никогда не уклонялся от того, чтобы всячески высмеивать и очернять патриотические и либеральные стремления современности; одновременно, с помощью бюллетеней этот предатель регулярно доносил русскому правительству о политической жизни германских государств»¹².

Если говорить о внешней канве событий, то и здесь оба сценария разоблачения «русских шпионов» — Коцебу и Швейцера — во многом совпадают, на что обратили внимание современники¹³. Вначале поводом для обвинений Коцебу стала публицистическая деятельность драматурга при издании «Литературного еженедельника»¹⁴, который сразу вызвал резкие нападки со стороны студенческих корпораций. Уже после выхода первого номера с критикой патриотического Гимнастического движения Коцебу был обвинен в шпионаже в пользу России: «Хваля все русское и браня все немецкое, он предает Германию, недавно избавленную от французского владычества, в руки во много раз более худшей русской тирании»¹⁵.

Вторым актом шпионского скандала стала афера с информационным бюллетенем для русского правительства, составленным Коцебу в качестве литературного корреспондента при министерстве народного просвещения. Речь идет о краже и незаконной публикации профессором Йенского университета Генрихом Люденом в журнале «Немезида» вырванных из контекста отрывков одного из отчетов Коцебу о беллетристических и научных новинках на немецком книжном рынке с комментариями самого Людена. Эти комментарии были составлены таким образом, что отчет Коцебу выглядел как донос российскому правительству на немецких либеральных авторов. Резонанс от этой информационной провокации был широким. Все главные издания германских государств вслед за Люденом написали, что известный драматург своими «доносами окончательно разоблачен в глазах немецкого общества как тайный агент России»¹⁶.

Последней каплей, предрешившей судьбу литератора, согласно показаниям его убийцы Карла Занда¹⁷, стала позиция Коцебу в отношении меморандума А.С. Стурдзы «Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 г.», также незаконным образом опубликованного во время Ахенского конгресса. Критические суждения российского

¹¹ Заиченко О.В. Август фон Коцебу: история политического убийства. С. 177–191.

¹² Hagen K. Op. cit. S. 636–637.

¹³ Das moralisch-politische Porträt der Herrscher des Russischen Reiches. S. 36.

¹⁴ Literarisches Wochenblatt von August von Kotzebue: 2 Bde. Bd. 1. № 1–52. Weimar, 1818; Bd. 2. № 1–52, Weimar, 1819.

¹⁵ Noch acht Beiträge zur Geschichte August von Kotzebues und C.L. Sands / Aus öffentlichen Nachrichten zusammengestellt. Mühlhausen, 1821. S. 140.

¹⁶ August von Kotzebue. S. 111.

¹⁷ Carl Ludwig Sand. Dargestellt durch seine Tagebücher und Briefe von einigen seiner Freunde. Augsburg, 1821. S. 64ff; Akten-Auszüge aus dem Untersuchungs-Prozess über Carl Ludwig Sand. Altenburg; Leipzig, 1821. S. 91.

дипломата по поводу устройства университетов в германских государствах были восприняты значительной частью немецкой общественности как попытка грубого вмешательства России во внутренние дела последних. Буря негодования по случаю огласки этого не предназначенного для публикации документа обрушилась не только на его автора, но и на Коцебу, который бесстрашно встал на защиту Стурдзы и его взглядов¹⁸, чем и подпisał себе смертный приговор.

Как уже отмечалось, убийство Коцебу стало знаковым событием в истории Германии. С одной стороны, оно на долгие годы закрепило взгляд на Россию как на главное внешнее препятствие на пути немцев к национальному объединению и либеральным реформам, дав идеологическое обоснование росту русофобии в Германии. С другой — в немецком сознании на основе лозунгов освободительных войн «Свобода и Отечество!» сформировался обновленный миф о героях и антигероях. Вместе с положительными образами — «освободителя» во внешнеполитическом дискурсе и «патриота немецкого Отечества» в контексте внутренней политики — возникла противоположная им пара — «угнетатель народов» и «предатель Родины», условный «русский шпион Коцебу». С этих пор шпиономания как одна из форм массового проявления мифа о «русской угрозе» прочно вошла в немецкое общественное сознание как часть русофобии, то затихая, то развиваясь до уровня психоза. Тогда в каждом заезжем русском или прорусски настроенном немце многие были склонны видеть русского шпиона, и поиски «второго Коцебу» возобновлялись.

Следующий виток борьбы с «предателями на службе у русского правительства» совпал по времени с подъемом патриотических настроений в Германии в 1830–1832 гг. Как и 12 лет назад, внешние факторы побуждали оппозиционные силы к действию, вновь активизируя в общественном дискурсе, с одной стороны, образы «угнетателей народов» и «освободителей», а с другой — «предателей Родины» и «патриотов немецкого Отечества». «Угнетателями» традиционно были назначены российский император и монархи Австрии и Пруссии. «Героями», борцами за свободу угнетенных народов, на этот раз стали поляки, поднявшие в ноябре 1830 г. восстание против власти России. Это восстание, начавшееся в Варшаве и проходившее под лозунгом восстановления независимой Речи Посполитой в границах 1772 г., породило у немецких патриотов наивные ожидания того, что «благородные поляки силой оружия сокрушат русский оплот тирании в Европе и осветят немцам факелом надежды дорогу к свободе и единству»¹⁹.

После нереализованных надежд освободительных войн немцам было свойственно проецировать на себя любое национально-освободительное движение, где бы оно ни разворачивалось: будь то Греция, Италия или Польша. Повсюду они стремились принять посильное участие в конфликтах на стороне восставших: от пропагандистской кампании в прессе до сбора средств в помощь повстанцам и организации добровольческих отрядов. В 20-е годы XIX в. немцы соперничали Греческой войне за независимость. В 1830–1831 гг. на смену эллинофилам пришли полонофилы. Предполагалось, что успех Польского восстания станет той искрой, от которой разгорится «пожар национальной борьбы за свободу Германии»²⁰, поэтому события в Польше были восприняты немецкими патриотами как их собственная борьба.

Первым из немецких либеральных публицистов на Польское восстание против русской тирании откликнулся Гарро Гарринг, предложив новую редакцию образа «освободителя». Отныне это был «революционный поляк в тоге античного героя»: «Будущее придет поклониться вашему священному могилам; ваши деяния остаются вечным достоянием великой истории народов, а ваши имена и слава будут вписаны в анналы подвигов героев

¹⁸ Заиченко О. В. Август фон Коцебу: история политического убийства. С. 187–188.

¹⁹ Gerecke A. Das deutsche Echo auf die polnische Erhebung von 1830. Wiesbaden, 1964. S. 28.

²⁰ Ibid. S. 29.

всех времен рядом с титанами античности. Вперед в бой! Поляки! Сражайтесь за свободу или выбирайте смерть, как Леонид при Фермопилах»²¹.

Гарринг вывел антирусское восстание в Польше из разряда локальных событий на окраине Европы в число мировых, подчеркивая его влияние и на немецкую историю. Тем самым он угадал один из основных трендов массовых настроений 30-х годов XIX в. в Германии. Идентифицируя себя с поляками в борьбе за национальное единство, немецкие патриоты переживали и победы, и поражения польских повстанцев как свои собственные. Как уже отмечалось, провозглашенная повстанцами цель — воссоздание Речи Посполитой в границах 1772 г. путем объединения польских территорий, отошедших в ходе трех разделов к России, Пруссии и Австрии, — представлялась многим немцам, мечтавшим о великой единой Германии, очень привлекательной. У них с поляками была не только общая цель, но и общие враги — Россия и европейская реакция. На фоне распространения мифа о «русской угрозе» жестокое подавление Польского восстания, а также публикация в европейской прессе многочисленных свидетельств, проливающих свет на механизм работы репрессивного полицейского аппарата, созданного российским наместником великим князем Константином Павловичем на территории Царства Польского²², укрепили в германских государствах взгляд на Россию как на врага не только польского единства, но и национальных интересов немцев. Полонофилия и русофобия тесно переплелись между собой, оказав, наряду с некоторыми либеральными идеями, влияние на идеологию немецкого национализма.

Гарро Гарринг — один из самых плодотворных и популярных немецкоязычных публицистов 30–40-х годов XIX в., на протяжении многих лет был главным обличителем «русского деспотизма» и «певцом польской свободы». О себе он говорил: «Я датчанин по рождению, немец по языку, поляк по личному выбору»²³. Гарринг был настолько увлечен идеей независимой Польши, что из солидарности с польской эмиграцией добавил себе польское имя, с 1832 г. подписывая свои произведения: «Гарро Гарринг-Казимирович». Это чувство сопричастности «польскому делу» он пронес через всю жизнь. Согласно завещанию Гарринга, прощальная речь на его похоронах была произнесена поляком и на польском языке²⁴.

Приверженность русофобии и полонофилии, во многом определившая мировоззрение и судьбу Гарринга, объясняются не только особенностями формирования идеологии немецкого национализма, но и фактами его биографии. В 1828 г. он был принят унтер-офицером в лейб-гвардии Уланский Его Императорского Высочества цесаревича полк и два года провел в Варшаве на российской службе, находясь в непосредственной близости от наместника Царства Польского и его окружения. Согласно официальной версии, принятой биографами Гарринга, которую он сам неоднократно озвучивал²⁵, он оказался в российской армии, надеясь принять участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и борьбе за освобождение Греции. Правда, получив после приезда в Варшаву предложение от великого князя Константина поступить в его личную охрану, он с радостью остался при наместнике, войдя в его ближний круг, состоявший из руководителей его Высшей военно-секретной полиции и Генерального штаба. За два года Гарринг имел возможность подробно ознакомиться с методами работы российской военной администрации в Польше, а также в деталях изучить образ жизни и характер великого князя Константина и представителей его ближайшего окружения. В дневниках он описал жизнь всех слоев

²¹ *Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. Nach zweijährigem Aufenthalt in Warschau. Selbstverlag. Nürnberg, 1831. S. 211f.*

²² *Russian reign of terror and persecution // Polonia or Monthly Reports on Polish affairs. XI, 1832. № 4. P. 241–260; Hube M. Russisches Schreckens- und Verfolgungs-System, sowie die in Preußen begonnene Nachahmung desselben. Paris, 1832.*

²³ *Harring H. Biographische Fragmente // Das Volk. Rendsburg, 1849. S. 29.*

²⁴ *Saß J. Lebensgeschichte Harro Harring // Die Heimat. 1927. Bd. 37. S. 236ff.*

²⁵ *Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. S. 11–15.*

польского общества, начиная с самых верхов. Гарринг нарисовал чрезвычайно отталкивающий образ великого князя — жестокого тирана, опиравшегося на мощнейший репрессивный аппарат, и прежде всего разветвленную сеть тайной полиции, агенты которой наводнили не только Польшу, но и всю Европу²⁶. Картина получилась необыкновенно впечатляющей и убедительной, так как чудовищные примеры испорченности нравов, беззакония и тирании, спрятанные за благопристойным фасадом конституционной монархии, были дополнены многочисленными мельчайшими подробностями, о которых мог знать только непосредственный свидетель происходивших событий.

Согласно воспоминаниям Гарринга, ему удалось близко изучить не только «угнетателей», но и борцов за свободу, в частности, он уверял, что за время пребывания при ставке великого князя Константина близко сошелся с польскими заговорщиками из законспирированного Патриотического общества, уже весной 1829 г. проинформировавших его о плане восстания, который предполагал убийство российского наместника. Именно по просьбе будущих повстанцев он, являясь иностранцем, покинул Польшу в июне 1830 г. ради выполнения возложенной на него миссии — раскрыть всей Европе правду о господстве террора в России, под властью которой находились поляки²⁷.

Именно это Гарринг и сделал, тем самым он нарушил присягу, фактически дезертировав из российской армии. 9 июня 1830 г., подвергая себя смертельной опасности, он пересек границу Царства Польского и 14 июня прибыл в Дрезден. Там он написал «первое разоблачение русской тирании» — ставшее впоследствии знаменитым стихотворение «Я видел страну»²⁸, которое превентивно настроило либеральную часть немецкой общественности против России за несколько месяцев до восстания.

Как писала А. Гереке, биограф Гарринга, «после возвращения в Германию он был одержим лишь одной идеей: на примере собственного опыта двухлетнего пребывания в Польше объяснить причины, побудившие поляков поднять восстание»²⁹. К концу года он закончил первый том польской трилогии «Воспоминания о Польше под властью России». Изданный через несколько месяцев после начала восстания, он стал самым читаемым в Европе произведением о событиях в Польше. Это было основанное на документах и личном опыте автора свидетельство недееспособности системы управления, созданной в Польше российской администрацией, с многочисленными примерами беспринципности чиновников, отсутствия закона и попрания всех человеческих прав, «позорной измены государства своему народу», которые «не могли не приводить угнетенных в отчаяние»³⁰. В 1831—1832 гг. увидели свет две другие части «трилогии», как ее называл сам автор, «Воспоминания о Варшаве» и трехтомный роман «Поляк». Главный вывод, который сделал Гарринг: «Попытки освобождения со стороны граждан являются неизбежными последствиями преступлений правительств»³¹. В итоге разоблачение преступных деяний правительств и их конкретных исполнителей стало делом его жизни.

Наряду с разоблачением «врагов» Гарринг в произведениях, носящих биографический характер, искусно выстраивал собственный героический образ пламенного патриота. Так, например, помимо указанных им причин пребывания на российской службе, вошедших впоследствии во все его биографии, существует еще одна, более земная и человеческая, о которой поведал сам Гарринг в личной переписке с друзьями и записках, не предназначенных для публикации. И она имеет прямое отношение к нашему исследованию.

Из писем Гарринга другу Генриху Тодсену следует, что в 1828 г. Гарро был влюблен в польскую аристократку графиню Людмилу Вратислав фон Митрович унд Шёнфельд

²⁶ Gerecke A. Op. cit. S. 43.

²⁷ Harring H. Biographische Fragmente. S. 319.

²⁸ Harring H. Ich sah das Land // Der Komet. 3.XI.1830. S. 1399.

²⁹ Gerecke A. Op. cit. S. 44.

³⁰ Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. S. 18.

³¹ Ibid. S. 18.

и полагал, что это чувство взаимно³². Но скромное происхождение поэта не оставляло ему никаких надежд на выстраивание отношений с ней. Для того чтобы хотя бы немного повысить свой социальный статус, Гарринг решил поступить на военную службу и получить чин офицера. Сначала он обратился с прошением о приеме на службу к королю Баварии Людвигу, но получил отказ, так как для зачисления в офицерский корпус было необходимо иметь дворянское происхождение. Тогда помощь Гаррингу предложил его знакомый — молодой поэт, член литературного кружка, сформировавшегося в Мюнхене вокруг Генриха Гейне, Карл Фридрих Швейцер де Швейгруа, служивший в Варшаве в канцелярии великого князя Константина. Гарринг настолько доверился Швейцеру, что по его совету подделал документы о дворянском происхождении³³ и при его же посредничестве был принят корнетом в лейб-гвардии Императорский Уланский полк.

В Варшаве Швейцер всячески опекал собрата по перу, введя его в местное общество. Он познакомил Гарринга с еще одним литератором — бароном Петером Георгом фон Зассом, который одновременно с этим являлся одним из начальников внешней разведки Высшей военно-секретной полиции³⁴. Гарринг узнал, что Швейцер был ближайшим помощником и доверенным лицом фон Засса. Благодаря дружеским отношениям с обоими Гарринг имел возможность детально наблюдать работу российской тайной полиции в Царстве Польском.

В начале 1830 г. идиллические отношения между двумя литераторами закончились. Швейцер два года хранил тайну Гарринга, а потом начал его шантажировать. Вместе с фон Зассом он неоднократно предлагал ему сменить место службы и перейти из уланского полка в тайную полицию. Обнародование факта подлога документов о дворянском происхождении могло повлечь за собой арест на территории России и испорченную репутацию в германских государствах. По воспоминаниям Гарринга, фон Засс однажды поставил его перед выбором: «либо отправиться в Неаполь в качестве хорошо оплачиваемого шпиона под видом атташе посольства, либо быть готовым к свинцовым рудникам Сибири»³⁵. Гарринг решил на дезертирство из российской армии, которое грозило ему военным трибуналом без срока давности. Как уже отмечалось, в июне 1830 г. он бежал в Дрезден. Подробности этой истории долгое время хранились Гаррингом в тайне и были обнародованы лишь много лет спустя.

Страх перед русскими шпионами и военным трибуналом преследовал его всю жизнь, способствуя развитию паранойи. Уже в начале сентября 1830 г. он писал своему франкфуртскому издателю Иоганну Давиду Зауэрлендеру, отправляя ему часть рукописи «Воспоминания о Польше под властью России» и стихотворение «Я видел страну»: «Я нахожусь в постоянной опасности... здесь русские агенты повсюду. Мне придется покинуть Германию прежде, чем мои работы смогут стать достоянием общественности... Кроме того, мне необходимо самому позаботиться о корректуре, так как я никому не могу доверить копирование своих рукописей. Я слишком хорошо знаю русских шпионов, которые способны на любую каверзу»³⁶.

До самой смерти Гарринг скрывался от агентов III Отделения. Известно, что он не выходил из дома, не имея при себе оружия. Похоже, что его опасения имели под собой основу. За годы дружбы с сотрудниками тайной полиции он имел возможность хорошо изучить методы ее работы в Варшаве. Это знание могло сделать его нежелательным свидетелем и, следовательно, мишенью для провокаций со стороны российских тайных агентов. Но не только Гарринг обладал компрометирующей информацией на «шпиона» Швейцера. Тот тоже хранил постыдные секреты собрата по перу, которые могли погубить

³² Harro Harring's Lebenslauf // Harro Harring's sämtliche Werke / Eine kommentierte Bibliographie von Thomas Thode. Eutin, 2005. S. 200–201.

³³ Harring H. Biographische Fragmente. S. 157.

³⁴ Harring H. Memorien über Polen. S. 49.

³⁵ Harring H. Biographische Fragmente. S. 158.

³⁶ Saß J. Op. cit. S. 261.

репутацию Гарринга. Два года службы в Варшаве оставили роковой след в судьбе последнего, сделав из него не только «разоблачителя преступлений русской тирании»³⁷, но и вечного беглеца. Думается, он сражался не столько с абстрактной тиранией, сколько со своими страхами, опасаясь за собственную жизнь. Основной подоплекой его русофобии стал параноидальный ужас перед российской тайной полицией, возникший в период, предшествовавший Польскому восстанию 1830–1831 гг.

Можно предположить, что одним из живых воплощений кошмаров Гарринга был Карл Фридрих фон Швейцер, чиновник по особым поручениям сначала при бароне фон Зассе в Высшей военно-секретной полиции, а затем в III Отделении при первом шефе российской внешней разведки А.А. Сагтынском. Без сомнения, Швейцер был абсолютным антиподом Гарро Гарринга не только по роду деятельности, но и по мировоззрению и убеждениям. Но при этом он обладал таким же авантюрным складом характера. Уроженец Франкфурта-на-Майне, в 15 лет он бросает обучение в гимназии, уезжает в Париж, чтобы поступить на службу в Императорскую гвардию Наполеона. Согласно документам Информационного бюро в Майнце, частично опубликованным литературоведом Карлом Гёдеке при составлении «Антологии немецких поэтов»³⁸, куда вошли и произведения нашего героя, в 1812 г. в составе французских войск юный Швейцер участвует в Русской кампании Бонапарта, попадает в плен, незадолго до окончания освободительных войн, в 1814 г., приезжает в Варшаву, где по протекции своего покровителя, полковника О.Б. де Швегруа, входившего в окружение наместника Царства Польского, поступает в канцелярию великого князя Константина. После смерти полковника в 1819 г. наш герой загадочным образом наследует его фамилию, официально покидает службу и начинает активно путешествовать по Европе под двойной фамилией Швейцер де Швегруа. Он уделял особое внимание тем германским университетам, где обучались польские студенты.

Служба за членами студенческих корпораций и представителями польской эмиграции в германских государствах была одной из основных сфер его деятельности в 20-е годы XIX в. Согласно его донесениям, а также докладом П.Г. фон Засса начальнику Генерального штаба Русской императорской армии генералу Д.Д. Куруте, Швейцер, начиная с 1821 г., немало способствовал разоблачению и разгрому тайного патриотического общества «Полония», участниками которого были некоторые студенты Берлинского университета³⁹. В 1823 г. донесения Швейцера из Франкфурта-на-Майне в немалой степени способствовали уничтожению тайного общества «Филоматов» и возникшего на его основе союза студентов Виленского университета «Филареты», действовавшего в 1820–1823 гг.⁴⁰ В результате следствия по делу «Филоматов» в Варшаве был инициирован крупнейший в Европе процесс против представителей студенческого движения.

Швейцер и Гарринг были не только идейными антиподами. Еще до встречи в Мюнхене их судьбы переплелись самым удивительным образом. В 1817–1823 гг. они оба, находясь по разные стороны баррикад, были вовлечены в деятельность тайной студенческой организации Die Schwarzen von Gießen, состоявшей из революционно настроенных учащихся университетов Йены и Гиссена. В йенскую группу этой организации входили убийца Коцебу Карл Занд и Гарро Гарринг, в гиссенскую — Швейцер де Швегруа в качестве «русского шпиона».

Согласно информации, опубликованной Карлом Гёдеке, в 1821 г. Швейцер приезжает в Гиссен, в декабре 1823 г. успешно защищает в местном университете диссертацию и экстерном получает докторскую степень⁴¹. Однако академическая карьера в германском университете мало интересовала Швейцера. Во время пребывания в Гиссене он посылал

³⁷ Gerecke A. Op. cit. S. 49.

³⁸ Goedeke K. Grundriss der Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Zweite ganz neu bearbeitete Auflage. 18 Bde. Berlin, 1905–1966. Bd. 15. Achstes Buch. Abteilung VIII. S. 382ff.

³⁹ Hube M. Op. cit. S. 193–197.

⁴⁰ Askenazy S. Lukaszinski. T. I. Warszawa, 1908. S. 372–374.

⁴¹ Goedeke K. Op. cit. S. 383.

донесения на имя полковника фон Засса о студенческих корпорациях в этом городе и в Дармштадте. Наряду с отчетами других агентов российской Высшей военно-секретной полиции, они были опубликованы в 1832 г. председателем Специальной комиссии по расследованию деятельности этого учреждения юристом Михаэлем Хубе⁴². Гиссенский университет не случайно был выбран Швейцером для защиты диссертации. Здесь, внутри местной студенческой корпорации, продолжал действовать законспирированный филиал организации Die Schwarzen von Gießen, основанный легендарным революционером Карлом Фолленом. Члены этой организации называли себя «Черными» или «Бескомпромиссными» и разрабатывали планы политических заговоров и террористических актов⁴³. В 1817 г. отделение «Черных» было создано Карлом Фолленом и в Йенском университете. У ведущих следствие по делу о гибели Коцебу существовала версия, что за преступлением стояла террористическая группа «Черных», а главным вдохновителем Занда и непосредственным организатором убийства был именно Фоллен⁴⁴. Правда, причастность последнего к этому преступлению так и не удалось доказать, так как он успел эмигрировать в Швейцарию. В 1823 г. гиссенское отделение «Черных» было окончательно разгромлено, чему в немалой степени способствовали донесения Швейцера.

Гарро Гарринг присоединился к радикальной студенческой группе К. Фоллена в Йенском университете в 1817 г., одновременно с будущим убийцей Коцебу. Это был первый случай его участия в политической деятельности. Он и его друг студент-медик Вильгельм Больдеман от имени «Черных» поддерживали контакты с радикалами из Вены и Будапешта⁴⁵. Если бы Гарринг не получил в 1821 г. стипендию принца Дании Кристиана для продолжения учебы в Копенгагене в Академии искусств, он был бы неминуемо арестован в 1823 г., как и все остальные члены организации Die Schwarzen von Gießen.

Как писал сам Гарро Гарринг, арест и казнь Карла Занда, который для «Черных» сразу же после его заключения стал культовой фигурой, были для него первыми и самыми крупными политическими разочарованиями в жизни⁴⁶, а убийца Коцебу навсегда превратился в кумира и объект почти религиозного поклонения. В память о Занде, несмотря на запрет, Гарринг на протяжении длительного времени одевался в черное, носил традиционную немецкую одежду, а затем до конца жизни имел при себе кинжал, который превратился в предмет культа и символ жертвоприношения на алтарь «свободы Отечества». Вместе с В. Больдеманом он совершил пешее паломничество в Мангейм к месту казни К. Занда, а после этого они посетили родителей последнего в Вунзиделе⁴⁷. Очевидно, что убийство Коцебу и его последствия произвели сильное впечатление на склонного к экзальтации молодого патриота, каковым и был Гарро Гарринг. В письме брату из Рима от 9 апреля 1822 г. он писал: «Я по-прежнему ношу у сердца платок, пропитанный кровью Занда... Он из могилы призывает меня поднять меч, выпавший из его рук, и завершить начатое им дело... Его жертва не будет напрасной. Германия ждет, служение ей — вот высшее счастье»⁴⁸. Неудивительно, что после пережитых потрясений он чувствовал себя «вторым Зандом», призванным завершить начатую им священную миссию «пробуждения нации». Для достижения этой задачи Гаррингу был необходим второй Коцебу, которого он увидел в Швейцере.

Подходящего момента не пришлось долго ждать. В конце 1830 г. Швейцер по поручению генерала Д.Д. Куруты приезжает в Дрезден и по иронии судьбы, как и Коцебу, решается выступить в роли пророссийского публициста. С февраля по октябрь 1831 г. он

⁴² Hube M. Op. cit. S. 186–187.

⁴³ Haaser R. Von der Waffenbrüderschaft zur ideologischen Anfeindung. Politisierung des universitären Lebens in deutschen Ländern von 1813–1819. Tübingen, 2017. S. 7–9.

⁴⁴ Haaser R. Op. cit. S. 15–23.

⁴⁵ Harring H. Die Schwarzen von Gießen oder der Deutsche Bund. Frankfurt a.M., 1831.

⁴⁶ Harring H. Biographische Fragmente. S. 150.

⁴⁷ Harro Harrings Lebenslauf. S. 190–192.

⁴⁸ Ibid. S. 191.

ведет в прусском правительственном издании Allgemeine Preußische Staatszeitung колонку под названием «С польской границы»⁴⁹ с хроникой восстания. Несмотря на сдержанный тон этих публикаций, Швейцер, как и Коцебу, неоднократно подвергался нападкам со стороны либеральных изданий⁵⁰ за изложение позиции российского правительства. В его адрес также звучали сакраментальные обвинения в шпионаже и предательстве Отечества.

В ходе начавшейся публицистической перепалки Гарро Гарринг отметил провокациями и громкими обвинениями в адрес своего оппонента с целью привлечь внимание общественности к этой полемике. Он поставил себе задачу разоблачить барона как русского шпиона и исполнителя преступных замыслов российского правительства на территории Польши и Германии. Уже в декабре 1830 г. Гарринг пишет «Воспоминания о Польше под властью России». Затем последовала публикация произведения в жанре политической сатиры «Фауст в одеянии времени», где Гарринг фактически обвиняет Швейцера в предательстве немецкого Отечества, называя его «гнусным шпионом» и «вторым Коцебу»⁵¹. В этой пьесе, экземпляры которой бесплатно рассылались подписчикам на местные либеральные издания, автор, чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений в объекте его сатиры, рассуждает об обстоятельствах, предшествовавших убийству Коцебу 12 лет назад. При этом в образе русского шпиона, приговоренного к смертной казни, недвусмысленно угадывается поэт Швейцер, а на роль его палача Гарринг выводит себя под видом студента, именующего себя Черным. Таким образом, он как бы накладывает два шпионских скандала друг на друга, проводя между ними прямые параллели.

Последним ударом по репутации Швейцера стало инспирированное польской эмиграцией распространение в европейской прессе списков тайных агентов Высшей военно-секретной полиции, среди которых фигурировал и барон⁵². После официальной огласки этих списков либеральное издание Die Konstitutionelle Deutschland предложило Верховному суду Саксонии начать следствие по его делу⁵³. Имя Швейцера было внесено «Союзом польских повстанцев» в список разыскиваемых русских шпионов⁵⁴. Он был публично объявлен «врагом польского народа» и осужден заочно⁵⁵. Чтобы не разделить участь своего предшественника, в начале 1832 г. Карл Фридрих Швейцер де Швегруа спешно покидает Саксонию. Но его скоропалительный отъезд уже никак не мог остановить новую волну шпиономании и русофобии, поднятую в ходе общественной кампании, организованной Гарро Гаррингом против «второго Коцебу».

Библиография / References

Заиченко О. В. Август фон Коцебу: история политического убийства // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 177–191.

Заиченко О. В. «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военно-секретной полиции в Варшаве (1819–1831) // Новая и новейшая история. 2023. № 1. С. 33–45. DOI: 10.31857/S013038640020835-6

Zaichenko O. V. "Russkii shpion" Shvejcer: popytka rekonstruktsii biografii. Agent Vysshei voenno-sekretnoi politsii v Varshave (1819–1831) ["Russian Spy" Schweitzer: An Attempt at Biography Reconstruction. Agent of the High Military Secret Police in Warsaw (1819–1831)] // Novia i Noveishaia Istoriia [Modern and Contemporary History]. 2023. № 1. S. 33–45. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013038640020835-6

⁴⁹ Von der Polnischen Grenze // Allgemeine Preußische Staatszeitung. 12.II.1831. S. 354; 7.X.1831. S. 1523.

⁵⁰ Mixturen (Über Schweizer anonyme Berichte in der Preußischen Staatszeitung "Von der polnischen Grenze") // Der Komet. 19.VII.1831. S. 912; Bustorius. Anonyme Korrespondenten-Berichte über die Niederschlagung des polnischen Aufstandes // Allgemeine Zeitung Beilage. 5.IX.1831. S. 1034.

⁵¹ Harring H. Faust im Gewande der Zeit. Ein Schattenspiel mit Licht. Leipzig, 1831. S. 129ff.

⁵² Заиченко О. В. «Русский шпион» Швейцер. С. 33–45.

⁵³ Spionage-Echo auf die polnischen Ereignissen // Die Konstitutionelle Deutschland. 2.VIII.1831. S. 612.

⁵⁴ Liste gesuchter Spione // Polak Sumienny. 23.VI.1831. S. 344.

⁵⁵ Polen (Bericht über Zitierung von Spionen vor ein polnisches Gericht) // Der Korrespondent von und für Deutschland. 22.VIII.1831. S. 1492.

Zaichenko O.V. August von Kocebu: istoriya politicheskogo ubijstva [August von Kotzebue: The Story of a Political Assassination] // *Novaia i Noveishaia Istorii* [Modern and Contemporary History]. 2013. № 2. S. 177–191.

Askenazy S. Lukasinski. T. 1. Warszawa, 1908.

August von Kotzebue. Urtheile der Zeitgenossen und der Gegenwart / Zusammengestellt von W. von Kotzebue. Dresden, 1881.

Carl Ludwig Sand. Dargestellt durch seine Tagebücher und Briefe von einigen seiner Freunde. Augsburg, 1821.

Das moralisch-politische Porträt der Herrscher des Russischen Reiches. Regensburg, 1844.

Gerecke A. Das deutsche Echo auf die polnische Erhebung von 1830. Wiesbaden, 1964.

Goedeke K. Grundriss der Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen: 18 Bde. Bd. 15. Achstes Buch. Abteilung VIII. Berlin, 1905–1966.

Grab W. Harro Harring und der deutsche Sonderweg 1848–1933 // Mitteilungen der Harro-Harring-Gesellschaft. Husum, 1984.

Haaser R. Von der Waffenbrüderschaft zur ideologischen Anfeindung. Politisierung des universitären Lebens in deutschen Ländern von 1813–1819. Tübingen, 2017.

Hagen K. Ueber die öffentliche Meinung in Deutschland von den Freiheitskriegen bis zu den Karlsbader Beschlüssen. Zweite Abtheilung. (2. Teil): Die Jahre 1815 bis 1819 // Historisches Taschenbuch. (2. Folge). Achter (8.) Jahrgang / Hrsg. Fr. Raumer. Leipzig, 1847.

Harring H. Die Schwarzen von Giessen oder der Deutsche Bund. Frankfurt a.M., 1831.

Harring H. Faust im Gewande der Zeit. Ein Schattenspiel mit Licht. Leipzig, 1831.

Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. Nach zweijährigem Aufenthalt in Warschau. Selbstverlag. Nürnberg, 1831.

Harring H. Biographische Fragmente // Das Volk. Rendsburg, 1849.

Harro Harrings Lebenslauf // Harro Harring's sämtliche Werke / Eine kommentierte Bibliographie von Thomas Thode. Eutin, 2005.

Hube M. Russisches Schreckens- und Verfolgungs-System, sowie die in Preußen begonnene Nachahmung desselben. Paris, 1832.

Ilse L.Fr. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Kommission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind. Frankfurt a.M., 1860.

Keller M. "Agent des Zaren" August von Kotzebue // *Russen und Russland aus deutscher Sicht: 19. Jahrhundert (1800–1871)* / Hrsg. M. Keller. München, 1992. S. 119–150.

Noch acht Beiträge zur Geschichte August von Kotzebues und C.L. Sands / Aus öffentlichen Nachrichten zusammengestellt. Mühlhausen, 1821.

Saß J. Lebensgeschichte Harro Harring // *Die Heimat*. 1927. Bd. 37. S. 236–261.

Schott Fr. Kozebue, Deutschland und Rußland / Nebst einem Vorwort an den Herrn Professor Krug. Leipzig; Merseburg, 1820.

Schulze H. Sand, Kotzebue und das Blut des Verräters (1819) // *Das Attentat in der Geschichte*. Köln, 1996. S. 215–232.

Szayna-Dec K. Najgroźniejszy agitator sprawy polskiej. Awanturniczy żywot Harro Harringa Kazimirowicz, poety, bojownika o wolność, Polaka z wyboru. Kraków, 2018.